

## Сергей Ковалев Действующая модель жизни

<http://lib.rus.ec/b/188931>

## Сергей Ковалев Действующая модель жизни

*Трижды мне представлялась такая возможность.  
Понимаешь, трижды! Я давал клятву, что, если когда-нибудь  
эта дверь окажется предо мной, я войду в нее.  
Убегу от всей этой духоты и пыли, от этой блестящей мишуры,  
от этой бессмысленной суеты. Убегу и больше никогда не вернусь.  
На этот раз я уже непременно останусь там. Я давал клятву, а  
когда дверь оказывалась предо мной, не входил.  
Герберт Уэллс «Дверь в стене»*

— Ничего себе! Ты только посмотри!

— Угу, — буркнул Игорь, не поднимая взгляда от учебника.

— Да посмотри же! — Женька отобрала книгу и отскочила к границе сухого асфальта. — Там цирк!

— Отдай! — Игорю пришлось все-таки встать со скамейки. — Ничего там нет...

Он честно попытался разглядеть хоть что-то за стеной проливного дождя, но увидел лишь размытое цветное пятно там, где начинался пустырь.

— Не видишь? — В голосе Женьки прозвучала обида. — Ты притворяешься?! Или у тебя со зрением траблы? Шатер и воздушные шары — неужели не видишь? Ну, хоть музыку-то слышишь?

Игорь прислушался и сквозь равномерный гул дождя по крыше остановки уловил обрывки мелодии. Постепенно она становилась все отчетливее, и Игорь узнал бравурный марш, обычно сопровождающий начало циркового представления. Между тем то ли дождь ослаб, то ли глаза привыкли, но на месте невнятных цветных пятен он, наконец, разглядел шатер передвижного цирка.

— Шапито...

— Ага! Видишь? — Женька вернула учебник и встала вплотную к потокам стекающей с крыши воды. — Пошли, посмотрим?

— Совсем того, да?! — Игорь покрутил у виска пальцем. — По такому дождю? У нас экзамен через час. Если сейчас на автобус не сядем — следующий через сорок минут. А может и вообще через два часа прийти...

— Ну и что? Опоздаем — пойдем со вторым потоком. Или с третьим.

— Я хочу домой пораньше вернуться. Надо фальшборт на «Палладу» приклеить. — Игорь нашел нужную страницу и, уже не глядя на Женьку, рассудительно подытожил. — Вчера их тут еще не было. Не на один же день они приехали, да? Успеешь насмотреться. Надо верно расставлять приоритеты...

— Зануда! — Женя насмешливо фыркнула и нырнула в дождь. Из-за ставшей вдруг стеклянно-плотной завесы слабо донеслось. — В институте встретимся...

— Дура! — бессильно выругался Игорь, понимая, что вынужден будет сейчас выйти под хоть и теплый, зато тропической силы дождь, догнать подругу... Но тут к остановке величественно подплыл оранжевый автобус. — Ну и черт с тобой. Тебе по фигу, а я в армию не хочу...

\*\*\*

Экзамен оказался совсем не таким сложным, как боялся Игорь.

Он быстро написал ответы на свой билет и даже успел подсказать верные ответы девушке, уверенно «тонувшей» за соседним столом. Женька не пришла — ни со вторым потоком, ни с третьим. Даже когда одуревших от общения с будущими судостроителями преподав атаковала последний маленький отряд записных двоечников, Женька не появилась. Игорь не сильно беспокоился — забыть про экзамен из-за цирка было вполне в характере подруги. Плохо, конечно, но Женька умная — легко пересдаст экзамен осенью. К тому же, девушка, которой он помог с ответами — Лиза — тоже кого-то ждала до самого конца экзамена, и разговаривать с ней Игорю понравилось. У них оказалось не так много общего — прямо сказать, Лиза была простовата — зато разговор с ней не превращался в едкую пикировку, чем почти всегда заканчивалось общение с Женькой.

Когда ждать дальше стало уже просто глупо, Игорь набрался смелости и пригласил Лизу посидеть в кафе. Потом они гуляли по городу до самой ночи, и Игорь вспомнил о Женьке только когда проводил Лизу и спешил домой. Это была короткая обыденная мысль «Женька уже спит. Завтра позвоню».

Домой он добрался лишь часам к двум, но родители встретили его в прихожей.

— Ты мог хотя бы позвонить!!! — немедленно завелась привычно пахнувшая валокордином мать. — Мы уже чего только...

— Да ладно! — оборвал ее причитания отец. — Он уже взрослый мужик... Надеюсь, ты хоть до дома ее проводил? Нам тут ее родители уже весь телефон оборвали.

— Конечно, проводил... — кивнул Игорь, но тут же сообразил, что отец говорит не о Лизе, и мечтательная улыбка, с которой он вошел в дом, медленно погасла.

Потом ему казалось, что именно с этой ночи он разучился улыбаться.

Смеяться получалось — над хорошим анекдотом или тупой голливудской комедией, а вот когда нужно было улыбнуться, приходилось механически растягивать уголки рта. Он прочитал где-то, что настоящую улыбку можно отличить по сощуренным глазам и вздернутым бровям и, после тренировок перед зеркалом, его улыбка приобрела вполне искренний вид.

В общем-то, ничего сложного...

В ту ночь его надежный мир рассыпался — в один момент, безжалостно. Был Игорь Исов — примерный мальчик из хорошей семьи, успевающий дисциплинированный студент престижного вуза, мастер — «золотые руки», строивший модели парусников. Стал Игорь Исов — главный подозреваемый по уголовному делу. Очень грязному делу. Следовательно даже не пытался скрыть, что считает его виновным, и допросы вел оригинально — намеренно подробно и в тошнотворных деталях описывая, как Игорь насиловал Женьку, а потом убивал. То ли следователь был не совсем здоров, то ли просто стремился вывести Игоря из равновесия. Это у него хорошо получалось.

Ещё более было смотреть на почерневших от горя родителей Женьки, когда тот же следователь приводил их и оставлял наедине с парнем. Так больно, что Игорь почти сдался и готов был уже признать что угодно — лишь бы всё закончилось. Хорошо, что не успел. Подробности дела попали в газеты, о нем начали говорить. Нашлись свидетели, которые видели их с Женькой на остановке, видели, как та шла под проливным дождем к шатру цирка-шапито — достаточно необычное зрелище, чтобы запомнить. Нашлись свидетели, ехавшие с Игорем в одном автобусе. Лиза упорно твердила на следствии, что они весь день были вместе. В конце концов, обвинение с него сняли.

Подозрения остались.

Когда терпеть перешептывания и косые взгляды за спиной стало невыносимо, Игорь ушел из института. И даже обрадовался, получив повестку из военкомата. Как больному зверю, ему необходимо было где-то отлежаться — где-то, где нет ничего из прежней жизни. Армия казалась ему подходящим местом.

Он оказался прав.

Первый год службы прошел как во сне — в мутном, тягостном кошмаре. Никакой особой дедовщины, про которую Игорь читал в газетах, в полку не было. Но вырванных из

привычного домашнего быта мальчиков перемалывал сам армейский уклад жизни и всё, что осталось у Игоря в памяти от первого года — постоянное ощущение усталости, голода и униженности. Он был рад этому — не оставалось ни времени, ни сил думать.

Со второго года стало легче, но к тому времени Игорь как-то внутренне отупел и огрубел. Трагедия с Женькой вспоминалась редко и смутно — словно прочитанная когда-то повесть или старый черно-белый фильм. Да и то — было в этой истории что-то нереальное, как часто бывает в искусстве, но не в обыденной жизни. Хотя бы тот же цирк! Никто из окрестных домов в цирке не был и раньше его не видел — утром его еще не было, вечером его уже не было. По всему выходило, что простоял он на том месте всего несколько часов. И даже следов от него никаких не осталось. Впрочем, это как раз никого не удивило — ливень в то утро был действительно тропический. В общем, цирк так и не нашли.

\*\*\*

Тонкими штрихами зачернялась очередная клеточка календаря на дверце тумбочки. Глупая традиция — разбуди любого «деда», он и без того сразу скажет, сколько дней до приказа осталось — но при виде уменьшающегося островка белых квадратиков становилось легче ждать.

— Эй, гоблин, Боцмана ко мне! — донеслось из Ленинской комнаты.

Это про него.

Навтором году службы появилось немного свободного времени, и Игорь попросил отца прислать инструменты. Первый же собранный кораблик — после долгого перерыва вышедший совсем простеньким и кривеньким — поразил и сослуживцев, и офицеров, словно детей. С этого момента жить Игорю стало куда легче, а вместо прозвища Иса прилипло новое — Боцман.

— Старшего сержанта Исова...

— Что ты орешь, как беременный слон?! — недовольно буркнул Игорь, отрываясь от занятия. Дневальный испуганно съежился, ожидая «сики», но Игорь лишь рукой махнул, мол — проваливай! Он редко бил «духов» — ровно, что бы не выделяться среди остальных «дедов». Благодаря положению мастера «золотые руки», он и настоящим-то «дедом» себя не чувствовал, кочуя с одной полковничей дачи, нуждающейся в ремонте, на другую. Вот и теперь его наверняка вызывали, что бы отправить на очередной «объект».

— Товарищмайор! СтаршийсержантИсов...

— А... Боцман... — продолжая что-то быстро писать в тетрадь, произнес замполит. — Дуй к штабу, там ждут пять гоблинов и «шишига». Подгонишь к складу — начсклад знает, что вам загрузить. Потом отвезут на объект — там будет хозяйка, она скажет, что нужно сделать. Что бы все было по высшему разряду... Вечером вас заберут.

В последнее Игорь не очень-то поверил, но не возражать же замполиту?

Как он и предвидел, вечером их не забрали. Всё просто. На полк исправных «шишиг» — Газ-66 — с кузовами для перевозки людей, было всего две. Вечером на них уезжали в городок офицеры, потом на них же развозили идущих в наряды солдат и только потом ехали по «объектам». Если, конечно, древние «шишиги» не ломались, а ломались они постоянно. С этим ничего нельзя было поделать, оставалось радоваться, что на этот раз «объект» был всего-то километрах в пяти от части.

Хорошо утоптанная проселочная дорога вела через начавшие зеленеть поля. Май выдался непривычно жарким, густой вечерний воздух дрожал и переливался, словно вода.

Из-за этого марева Игорь сразу не понял, что видит. Так — какие-то мутные разноцветные пятна. Потом он услышал отдаленное уханье барабана и хриплые завывания трубы. Инструменты вымучивали старинный цирковой марш — парад-алле. Желудок разом ухнул куда-то вниз. Воспоминания, загнанные в самый темный уголок памяти, ожили. Сквозь пульсирующий раскаленный воздух проступили очертания разноцветного шатра.

Конечно, это мог быть любой другой цирк.

И, скорее всего, так и было...

— А, вот вы где! — из кабины «шишиги» выглядывал улыбающийся щербатым ртом водила-«дух». — Я думал, вы напрямик через поля в часть рванули! А меня задержали маленько — пришлось караул из комендатуры забирать. Ну, ничего, сейчас быстро доедем...

Игорь машинально кивнул, продолжая смотреть в сторону цирка.

— Подождите меня пять минут...

— Какой ещё «подождите»? — подал голос сидевший рядом с водилой старлей. — Ты совсем опух, солдат? Я, блять, с дежурства сменился, и тебя буду ждать? В кузов бегом марш!

— Товарищ старший лейтенант!..

— Была команда бегом!

Игорь зло сплюнул в пыль, развернулся и зашагал к шатру.

— Я не понял, солдат! — рявкнул старлей, выскакивая из машины. — Стоять! Стоять, я сказал!

— Мне нужно кое-что проверить, — не оборачиваясь, упрямо сказал Игорь. — Я вернусь через пять минут.

— Через минуту ты будешь сидеть в кузове, — с ледяным спокойствием ответил старлей. — Или я прикажу тебя скрутить и усадить силой. Но тогда мы поедем не в часть, а назад — в комендатуру. Встретишь дембель на губе. Ну?

Игорь молча повернулся и пошёл к «шишиге».

\*\*\*

Сначала опоздал Санёк. И хрен бы с ним, но только у Санька в их компании была иномарка. И, хотя изрядно подержанный «форд» тарахтел как трактор и имел цвет «серебро с ржавчиной», на фоне «шестёрок» и «девяток» он смотрелся как Элвис Пресли на фоне бушменов. А потому именно Саньку была отведена почётная роль сначала везти жениха за невестой, а потом обоих — в загс. И вот этот пельмень опоздал...

И опоздал-то всего на полчаса, но Лиза успела устроить истерику, а её мамаша явно внесла в список будущих претензий очередной пункт. Потом потеряли свидетельницу. То есть, в машину она вроде как садилась, а когда кортеж остановился возле загса, её не нашли. Теперь настала очередь Игоря многозначительно хмыкнуть — свидетельница была из подруг невесты.

Впрочем, минут через пятнадцать свидетельницу нашли. Оказалось, когда все рассаживались по машинам, она села в ожидавшее совсем другого пассажира такси. Нелепый случай вызвал смех, и атмосфера нервного ожидания немного разрядилась.

Чего нельзя было сказать о настоящей атмосфере. Небо, ясное с утра, постепенно затягивали грозовые тучи, воздух стал влажным и душным. В помещении загса собралось аж восемь пар с родственниками и свидетелями, тётка, заведующая церемонией бракосочетания, двигалась с сонной медлительностью, все потели и медленно стервенели.

В пятый или шестой раз выскочив на крыльцо глотнуть никотина, Игорь увидел цирк-шапито.

Полосатый шатёр стоял посреди парка, всего метрах в ста от загса. И, хоть он был совсем близко, но всё равно выглядел размытым, словно нарисованным акварелью на мокрой бумаге. Играла бравурная музыка.

Игорь готов был поспорить, что, выходя в прошлый раз покурить, он никакого цирка на этом месте не видел. Пока он шел к шатру, тот оставался таким же размытым, и лишь когда осталось всего несколько шагов, словно невидимый фотограф поворотом объектива навёл резкость. Прорисовались пятна плесени на парусине, грязь и грубые швы. Впрочем, взгляд задержался на этих деталях всего на мгновение, потом внимание Игоря привлекли музыканты. У входа в шатер стоял карлик в потрепанной фрачной паре и огромном цилиндре, из-под которого свисали рыжие пейсы. По другую сторону от входа высилась

мускулистая женщина в костюме восточной танцовщицы. Костюм не оставлял сомнений в том, что это именно женщина. Просто — с бородой.

Бородатая красавица дула в большую трубу, обвивавшую её словно удав. Карлик из всех сил лупил в возвышающийся над ним барабан.

— Эй! — Игорь замаялся, соображая, с чего начать. Бородатая женщина поощрительно кивнула, продолжая играть. — Скажите, пять лет назад, весной, вы выступали...

— Ой вэй! — густым басом провозгласил карлик, на мгновение оставив барабан в покое. — Да будет тебе известно, что мы вообще не выступаем!

— Как это? Это ведь цирк?

— Ну и что? — пожал плечами карлик. — Это цирк. Но мы не выступаем...

— Да не важно! — отмахнулся Игорь. — Пять лет назад вы были...

— Как это не важно?! — возмущённо завопил карлик. — Нет, ты только послушай, что говорит этот шлемазл?! Это же и есть самое важное!

— Он прав, — кивнула бородатая женщина, опустив трубу и переводя дыхание. — Это самое важное.

— О чём вы вообще? — растерялся Игорь. — Да мне положить на ваш цирк! Где Женька?!!

— Женька? — карлик посмотрел на бородатую женщину и опять пожал плечами. — Да где ж ей быть? Репетирует, наверное...

— Привет, Игорь. Долго же ты меня догонял...

Женька стояла в проходе, насмешливо улыбаясь. Она совсем не изменилась за эти годы, словно только что убежала в дождь с автобусной остановки. Только вместо джинсов и футболки на ней был костюм клоуна.

— Ты... Женька... Ты... с ума сошла?! — Игорь не верил своим глазам. — Ты... да ты знаешь, что меня чуть не посадили из-за тебя? Думали — я тебя убил! Тебя весь город искал! А ты — просто сбежала с циркачами?!!

— Ты, похоже, не рад, что я жива? — в голосе Женьки послышалась знакомый яд. — Если бы ты обнаружил мой истлевший труп, было бы лучше?

— Дура! Я же не о том! — Игорь нервно потёр лицо. — Ладно, на меня тебе плевать... как выяснилось. А родители? Они же чуть не умерли от горя! Ты хоть позвонить-то им могла?! Просто сказать — я жива, не волнуйтесь!

— Не могла, — отрезала Женька, переставая улыбаться. — Думаешь, я такая сволочь, что не позвонила бы?!

— Я теперь не знаю уже, что думать, — пожал плечами Игорь. — Не верю, что за всё это время ты ни разу не оказалась рядом с телефоном.

— Это... трудно объяснить, — вздохнула Женька.

Игорь зло бросил:

— Да чего тут объяснять?! Влюбилась в какого-то циркача и сбежала с ним? Так?

Но Женьку это предположение только рассмешило. — Не знала, что ты увлекаешься дамскими романами.

— Тогда объясни, я вообще-то не дурак — попробую понять.

— О чём ты мечтаешь?

— Чего? Ты хочешь сказать, что всю жизнь мечтала выступать в цирке?!!

Карлик погрозил Игорю увесистой колотушкой, которой бил в барабан. — Молодой человек, я же сказал вам — мы не выступаем!

— Нет никакого цирка, — отмахнулась Женька. — Просто наше сознание подбрасывает нам наиболее понятные образы. Скажи, о чём ты мечтаешь?

— Ну... о машине, — ляпнул Игорь и смутился от обыденности своей «мечты». Понятно же, что Женька спрашивала не о том. Смутившись, разозлился. — Ну да, о машине! Я, знаешь ли, не смог закончить институт — меня подозревали в твоём убийстве! Но ничего! Сейчас другие времена настали. Я и без образования неплохо зарабатываю — руки-то у меня не из жопы. Вот, женюсь... подкоплю денег — куплю машину. Потом — квартиру, что бы с

тёщей не жить. А что?

Он остановился сам — Женька молчала — задохнулся от внезапно нахлынувшего отвращения к своим словам, к нелепому костюму, к примитивным мечтам.

— И это всё? — не дождавшись продолжения, спросила Женька. — Но это не мечты. Ты и так всё это получишь очень скоро. Ты мечтаешь не об этом.

— А о чем?

— Все люди мечтают об одном, — пожала плечами Женька. — О свободе.

— Ну, конечно...

— Нет, правда. Так или иначе, все мечты сводятся к достижению большей свободы. Что такое мечты о хорошей работе, машине, своём доме, как не мечты о свободе от тяжёлого труда, зависимости от переполненных вечно опаздывающих автобусов, от соседей? Карьера — попытка вырваться из подчинения начальства. Даже такая тупая мечта как куча денег — мечта о свободе, кастрированная убогой фантазией. И в итоге исполнение всех этих желаний приводит к разочарованию именно потому, что люди не понимают, что мечтают-то они совсем не о том, чего добиваются. Карьеру они делают, машину и квартиру покупают, но свободы не получают.

— По-твоему, свобода — таскаться по свету с кучкой бездарных клоунов?

— Странно, что ты видишь цирк, — Женька до боли знакомым жестом склонила голову к плечу, задумчиво нахмурилась. — Наверное, это из-за меня. Помнишь, я в детстве просто сходила с ума по этой песенке «Мы бродячие артисты, мы в дороге день за днём...»? А ты писал стихи про волков. Помнишь это: «Комом серого меха, стрелою серою. По снегу белому-белому...»?

— Глупость какая-то, — Игорь сглотнул подступивший к горлу колючий ком. — Нашла что вспомнить!

— Ты должен был увидеть совсем другое, — продолжала рассуждать в слух Женька. — Не понимаю.

— Да не важно!

— Опять он рассуждает о том, о чем понятия не имеет! — проворчал карлик. — Это важно!

— Вы все — сумасшедшие!

— Ну, не без этого, конечно, — подала голос бородатая женщина. — А ты думаешь — ты нормален?

— Ты всё равно можешь остаться, — неуверенно произнесла Женька. — Наверняка можешь. Я тебе помогу.

В небе гроыхнуло и начал накрапывать дождь. Летний, тёплый, но Игорь обхватил себя руками за плечи — его трясло.

— Я женюсь. У меня свадьба сегодня, Жень... Прости...

— Дурачок, мне не за что тебя прощать, — усмехнулась Женька. — Но... ты уверен, что сам себя простишь? Ты ведь хочешь остаться? Да?

— Я... я должен идти. Меня ждут. Прощай. И... ты позвонила бы всё-таки родителям. Или написала.

— Он так ничего и не понял, — развёл руками карлик. — Иди уже... тебя там ждут, хе-хе!

Игорь отвернулся и побежал под враз усилившимся дождём к спасительным дверям загса. Обернулся на крыльце, но дождь был таким сильным, что шатёр не было видно. Только насмешливое завывание трубы и удары в барабан доносились сквозь стену воды.

\*\*\*

— Я опоздаю всего на десять минут! — бросил в трубку Игорь, нервно оглядываясь. — Я на МКАДе, в получасе езды. Колесо пробил, а запаски нет... да, я лох, можешь позлорадствовать. Если клиент соскочит, тебя утешит мысль, что из-за меня? Тогда держи

его, пока я не приеду! Как хочешь! Напои его кофе, спляши для него ламбаду! Всё, до встречи!

Он спрятал мобильник в карман и зашагал по обочине, то и дело останавливаясь и голосуя. Редкие машины пролетали мимо.

Когда раздался сильный хлопок, и характерные шлепки из-под днища сообщили о проколе, Игорь не сильно расстроился. Не в пустыне же он, и не в глухом лесу. Опыт подсказывал, что поймать машину на МКАД не составит проблем. Минут через пять его уверенность пошатнулась, а через десять он стал звонить своему коммерческому директору. Потому что за это время ни одна машина даже не притормозила рядом. Игорь тщательно осмотрел себя — вполне приличный костюм (на деловую встречу же ехал!), на бомжа или гопника не похож. Тем не менее, водители его упорно игнорировали.

Примерно через полчаса он смирился и брел пешком, без особой надежды поднимая руку, слышав сзади шум мотора. И не расстраивался, когда машина проезжала мимо. Похоже, он стал невидимкой. Или провалился в какое-то параллельное измерение, в котором не принято брать попутчиков.

Эта мысль развеселила Игоря. Черт с ним — с клиентом. В конце концов, их фирма не на грани банкротства и от потери одного заказа ничего страшного не случится.

Справа оказался пустырь, и Игорь невольно вздрогнул — посреди пустыря высился полосатый шатёр. Против обыкновения, виден он был отчётливо. Обычный цирк-шапито, какие теперь редко увидишь, во всяком случае — в Москве. Позади шатра Игорь увидел несколько трейлеров вполне современного вида. Между ними на натянутых верёвках сушилось бельё. Все выглядело так обыденно, что сначала Игорь решил, что это какой-то другой цирк. Но потом, приблизившись, увидел знакомую мускулистую фигуру в костюме арабской танцовщицы.

Бородатая женщина сидела у входа, заботливо протирая трубу фланелевой тряпочкой. Заметив Игоря, по-дружески кивнула ему и указала на вход.

— Если хочешь, можешь войти. Женя сказала, что ты придёшь.

— Откуда она могла знать? — зачем-то спросил Игорь. — Я и сам полчаса назад не знал, что здесь окажусь.

— Она сказала, что ты когда-нибудь придёшь, — пожала плечами великанша. — Какая разница — когда?

— Большая! — возразил Игорь, стараясь не смотреть на черный провал входа. — Если бы она знала заранее...

— Это тебе послужило бы доказательством, — закончила за него Женька, выходя из шатра. — И всё стало бы бессмысленно. Что бы взлететь, нужно поверить и прыгнуть с обрыва. А если тебе нужны гарантии — летай на самолёте. А ещё лучше — ходи пешком.

— Ты ничуть не изменилась... — Игорь криво усмехнулся. — Внешне. Прошло уже почти двадцать лет, а тебе на вид всё так же восемнадцать. Значит, тебя на самом деле нет. Ты — плод моего воображения, как и этот цирк. Наверное, я сошёл с ума из-за чувства вины или ещё почему-то — не важно. Вот ты мне и мерещишься...

— Вот, значит, как? — Женька приблизилась вплотную, обняла его, заглядывая в глаза. — А может галлюцинация сделать так?..

Игорь смог оторваться от её губ только когда совсем задохнулся. Никакая галлюцинация не могла быть настолько реальной. Или могла? И, если допустить, что мозг создаёт воображаемую реальность настолько материальной, то — есть ли разница?

— Ты ведь никогда не любила меня. Относились как к брату.

— Всё ещё ищешь рациональное оправдание своему страху? Зря. Ты ведь не экзамен сдаёшь. Отвечаешь только сам перед собой, а какой смысл оправдываться перед самим собой — мы для себя худшие судьи. Простим самый тяжкий грех и осудим за ерунду... Но сейчас помолчи.

— Что?

— Мы здесь не ради тебя, — подала голос бородатая женщина. — Танат решил

покинуть нас.

— Ой вэй! Только не надо делать здесь трагедию! — из темноты шатра неспешно вышел на свет карлик во фраке. — С детства ненавидел трагедии! Самая пошлая вещь, которую выдумал род людской — доводить себя до слёз лицезрением чужих страданий! Комедия — вот величайшее изобретение человечества. Смех отличает нас от остальных животных... Не стану утверждать, что в лучшую сторону, но это хотя бы оригинально. Так что прошу вас — не надо слёз, они слишком вульгарны, а я никогда не терпел вульгарности...

Женька наклонилась и обняла карлика. Потом бородатая женщина встала на колени и долго прижимала уродца к своей мощной груди. Игорь словно во сне пожал маленькую сухую ладошку. Карлик отвесил шутовской поклон, нахлобучил цилиндр поглубже и заковылял прочь от цирка, шаркая огромными лакированными штиблетами.

Чем дальше уходил карлик, тем неувереннее становились его шаги, а вся фигура горбилась и кособочилась. Потом раздался негромкий хлопок, и нелепый человечек стал облаком серебристой пыли, тут же унесённой порывом ветра.

— Это... Зачем он это сделал?

Женька только помотала головой, не отрывая от лица руки.

— Он был самым старым из труппы, — спокойно пояснила бородатая женщина. — Никто из нас не знает даже, сколько он путешествует с цирком. Страшно представить, как он устал за тысячи лет.

— Тысячи? — Игорь почему-то сразу поверил ее словам и внимательно посмотрел на Женьку. — Так в этом дело? Получается, что вы не стареете и не умираете?

— Ты нашёл причину остаться с нами? — Женька посмотрела на него с жалостью. — Из-за страха? Не выйдет. Если человека заставляют пройти по канату над пропастью под угрозой смерти, он обязательно сорвётся.

Взвизгнули тормоза.

— Игорь, твою мать! Где тебя носит?

Игорь обернулся. У обочины мягко урчал тёмно-синий «бумер» его коммерческого директора. Санёк стоял рядом, раздражённо постукивая мыском лакированного ботинка по гудрону.

— Чего бомбилу не тормознул? Бабла, что ли, не взял с собой? Идиот! Твоё счастье, клиент позвонил, что в пробке стоит. Быстро в машину!

— Погоди...

— Игоряша, ты ведь знаешь, как я тебя люблю и уважаю, — проникновенно сказал Санёк. — Ты талант, и нашу грёбаную контору на своём горбу тащишь к процветанию именно ты. Но когда начинаются эти твои «творческие закидоны», я тебя совсем перестаю любить и даже где-то уважать. У нас пятнадцать минут в запасе, а ты решил поглазеть на задрипанный балаган?

Игорь повернулся к Женьке и виновато развёл руками:

— Извини, я не могу сейчас. Если я их брошу, фирма разорится. И потом... у меня ведь жена.

— И недостроенная модель «Катти Сарк» на столе, — хмыкнула Женька. — Парусник, который никогда не узнает большую воду... Прощай, Игорь.

\*\*\*

— Игорь, ужин на столе! Мы тебя ждём-о-ом!

Игорь усмехнулся этому «мы». Мы — жена и Ми-ми, маленькая, вечно дрожащая от холода собачонка, несмотря на свою безумную стоимость, напоминающая попавшую под кислотный дождь крысу. Сын давно живёт со своей семьёй, дочь — в Англии, в Кембридже. Санёк уже десять лет как на кладбище. Шальные 90-е одних вознесли на самый верх, а других — закопали. В буквальном смысле. А больше друзей у них с Лизой и не было, так что

Новый год обещал быть весёлым.

Впрочем, Игорь никогда не любил шумные праздничные компании. Да и само пребывание за праздничным столом его не особо привлекало. Глупая трата времени. А ведь его всегда так мало! Лучше бы за эти два-три часа установить грот-мачту на... на...

Игорь нахмурился.

Название парусника, модель которого он строил вечерами последние два года, полностью выветрилось из памяти. Такого раньше не было. Да что там! Такого просто не могло быть — он же не безымянный баркас серия БРТ затёртого номера строил. Он выбирал самые известные в истории корабли! Взять хотя бы этот... как его?

Игорь в панике окинул взглядом кабинет. Большинство своих моделей он либо раздарил, либо перевёз в офис — в кабинете хранилось всего шесть самых любимых... кого? Он тупо смотрел на деревянные раскрашенные коробки с торчащими из них палками, драпированными тканью. Парусники? Он прекрасно знал, что такое парусники. Но эти нелепые безделушки никакого отношения к кораблям не имели.

— Игорь? Ну, ты где? — донесся из залы голос жены. Пока спокойный, но нотки близящейся грозы уже слышны. — Скоро уже часы бить будут! Ми-ми голодная!

Игорь опустил взгляд на руки. «Золотые руки», которыми он так гордился. Годы, бессмысленно потраченные на строительство парусников, которые никогда не поплывут.

— Игорь!!! — уже с нескрываемой злостью крикнула жена. — Хватит уже хернёй заниматься!!!

И правда... Накатила волна резких, знакомых, но непривычно отчётливых запахов. Перебивал всё волнующий запах молодого снега. Захотелось сорваться с места и бежать — проваливаясь в наст и взламывая его грудью, словно воду...

Игорь не мог встать и уйти — мешало... Что-то держало его...

— Игорь!!!

Он отчётливо понял, что его держит. И что необходимо сделать.

Дверь распахнулась и, в сопровождении истерично твякающей Ми-ми в кабинет влетела Лиза.

Он повернулся к ней, сжимая в левой руке стамеску.

Испуганный женский крик подбодрил его и он начал наносить удары уверенней.

Женщина завизжала пронзительно и страшно.

Этот визг напугал его. Он бросился бежать и бежал долго, пока не выдохся.

Зрение странно изменилось. Он словно стал намного ниже ростом. И цвета поблёкли. Зато запахи вливались в его ноздри необычно насыщенной рекой, дорисовывая окружающий мир. Пахло морозом, снегом, лесом. Пахло друзьями, которые ждали его там.

Лес был далеко, за вонючими многоэтажными коробками и ещё более вонючими дорогами, по которым неслись, разбрызгивая снеговую кашу машины. Да, кажется, это называется «машины». Мысли стали какими-то короткими и простыми. Но всё равно путались.

Он почувствовал усталость. А ещё — голод и боль. Голова кружилась, его качало, а на снегу оставался кровавый след. Люди шарахались от него, кто-то бросился бежать.

Сначала он учуял умопомрачительный запах мяса. В желудке взвыло от голода. Запах еды скрутил и как на поводке потянул к себе. Впереди замаячил тусклый светлый прямоугольник открытой двери. Едой пахло оттуда.

— Собачка! Зачём прышол, собачка?!

Голос звучал настороженно, но вполне дружелюбно.

— Еда хотель? А деньги есть? Нэт? Вай! Дэнэг нет — еда нет! Ыди давай отсюда, собачка!

Голова кружилась всё сильнее, и он не понимал, что говорят ему люди. Он пошатнулся и завалился набок.

— Вай! Собачка больной?!

— Смотри — у него рана! — другой голос, моложе, без акцента. — Крови много

потерял. Это хорошо — смотри какой здоровенный! Целый баран...

\*\*\*

Следователь Антон Нубисов убрал мобильник во внутренний карман пальто и с удовольствием посмотрел на сосредоточенно шагающую рядом Марию Ган. Младшая коллега ему нравилась. И вообще — ему всё нравилось. Жить нужно в кайф — слова из песенки когда-то очень понравились А.Нубисову, он считал их бесхитростно верными — как и положено истинной мудрости.

— Ну-с, будем искать нашего волка?

— Да бросьте! Волк с отсечённой лапой? Кто его видел?

— Жена.

— Учитывая, что она почти сразу потеряла сознание, её слова можно сбросить со счёта. Любой врач подтвердит, что это — галлюцинации, вызванные шоком.

— Ее трудно винить. Увидеть как благоверный, которого знаешь как облупленного, сам себе руку стамеской отрубает — не всякая женщина такое выдержит. Впрочем, вы-то не испугались при виде отрубленной руки?

— Подумайте, сколько я их повидала... на своём-то веку.

— Да... — Он заметил впереди палатку. — А вот и наши мортаделы. Давайте-ка возьмём по шаурме. Что-то во мне проснулся просто-таки волчий голод!

Следователь вонзил в шаурму мелкие острые как у хищного зверя зубы, усмехнулся:

— Станный привкус, не находите?